

УДК 81'33

ИОСИФ БРОДСКИЙ: МОДАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЕМ

© 2019 г.

М. Милойкович

Белградский университет, Сербия

marija.milojkovic@fil.bg.ac.rs

Поступила в редакцию 08.09.2018

Показано использование контекстуально-просодической теории, разработанной Биллом Лоу, на примере стихотворения И. Бродского «Он знал, что эта боль в плече...». Последовательное расхождение между авторским употреблением нескольких модальных выражений, включая выражение из заголовка («он знал, что»), и их семантических аур в Национальном корпусе русского языка выявляет самообман героя, который в глубине души, как и автор, знает, что боль заставит его умереть в конце стихотворения. В работе также предполагается посредством анализа корпусного подтекста показать, как в стихотворении Иосифа Бродского осуществляется персонификация, постепенное «очеловечивание» боли, с которой герой, как оказывается, находится в постоянном диалоге.

Ключевые слова: семантические просодии, корпусный подтекст, ситуационный контекст, контекстуально-просодическая теория, Билл Лоу.

*Н.Ф. Богословской***Введение**

Контекстуально-просодическая теория Билла Лоу [1, 2] ведет свое начало от его идеи применения семантических просодий в исследовании литературного и нелитературного языка. *Семантические просодии* суть ауры значения, определяемые самыми частыми лексическими коллокатами слова или выражения [3]; по Синклеру, это «скрытые значения» на уровне лексики. Эта семантическая окраска, которую может выявить только сбалансированный и представительный корпус данного языка и которая в полноте своей недоступна интуиции и сохраняет свое влияние на семантику конкретного употребления, даже если его контекст сильно отличается от узуса, присутствующего в референциальном корпусе. В своей ранней работе Лоу постулирует, что отклонения от корпусной нормы указывают или на иронию, или на неискренность [4]. Впоследствии Лоу расширил сферу применения этого принципа на семантику грамматики, которая также определяется самыми частыми лексическими коллокатами. Их совокупность он называет логической семантической просодией, или *корпусным подтекстом* [2]. Корпусный подтекст раскрывает семантические ауры лексико-грамматических коллокаций, совершенно недоступные интуиции. Самым последним новаторским приемом в этой теории-методологии можно считать феномен *проспекции (prospction)* – способности лексико-грамматических коллокаций текста отразить его последующее содержание и даже заключение. В целом подход Лоу освещает семантику авторских словоупотреблений, невидимую не-

вооруженным глазом, с учетом *ситуационного контекста* [5, с. 182], и позволяет выявить гораздо больше примеров *остранения* (инновативных оборотов в виде нестандартных лексико-грамматических коллокаций), чем было возможно в рамках стандартных описательных исследовательских моделей, которые полагались исключительно на языковую интуицию исследователя.

В этой работе, впервые на русском языке, корпусно-стилистические методы контекстуально-просодической теории применяются к стихотворению И. Бродского «Он знал, что эта боль в плече...». В первой половине стихотворения в фокусе работы окажутся модальные выражения, которые, на первый взгляд, отражают более-менее стабильное, не меняющееся в корне представление героя о невозможности его кончины. Во второй половине, когда герой уже открыто судит свою «доверчивость», речь пойдет не столько о боли, сколько о том, чье место она, возможно, занимает, согласно пониманию Фертом [5] ситуационного контекста. С чисто практической точки зрения в работе используется явление частых в языке, но отсутствующих в тексте коллокатов для эмпирического исследования приема градации в построении риторической фигуры персонификации.

В работе был использован основной корпус Национального корпуса русского языка. Почему использовался основной, если существует поэтический? Поэтический корпус по определению должен быть насыщен выражениями, сильно отступающими от нормы. Наша же задача узнать, как конкретный текст отличается именно от языковой нормы, а не от других поэтических текстов, потому что именно в отклонении от контексту-

альной нормы языка и заложено значение текста, невидимое невооруженным глазом.

С точки зрения методики исследования выбор авторских коллокаций, исследуемых в этой работе, требует пояснения. Ортодоксальный метод изучения корпусного подтекста, по Лоу, предполагает отделение грамматики от лексики и изучение семантических аур грамматических цепочек через их самые частые лексические переменные в корпусе. В русском языке эта методика оказалась не совсем удачной из-за гораздо более гибкого порядка слов. Во-первых, НКРЯ не такой большой корпус, а из-за разнообразных существующих комбинаций найти соответствующую коллокацию в корпусе еще труднее. Во-вторых, даже при наличии нужной комбинации семантические ауры часто оказываются «размытыми», не подлежащими контекстуальным обобщениям, а добавление к ним следующего грамматического сегмента часто приводит к отсутствию в корпусе нужной расширенной грамматической строки. Поэтому более функциональным кажется поиск лексико-грамматических комбинаций. К примеру, если грамматическая строка содержит две лексемы, оставляем более частую и ищем лексические переменные на месте менее частой лексики из двух.

1. Модальность как прием

Стандартной методики корпусного исследования текстов, тем более поэтических, не существует. Хотя язык поэзии по природе своего употребления должен (но не во всем обязан) отличаться от обыденного языка, журналистики, научного дискурса и других стилевых регистров и жанров (и эти отличия тоже скоро будут исследоваться корпусным методом), на сегодняшний день не существует специальной разработанной корпусно-стилистической методики, которая обязана дать результаты при изучении поэтических текстов. Пути, по которым может пойти исследователь, так же разнообразны, как и языковые обороты в фантазии автора стихотворения. Тем не менее после определенного чисто интуитивного «вникания», перепробовав массу ни к чему не приведших поисков в корпусе, исследователь в конце концов может углядеть в тексте закономерность, которая позволяет «разоблачить» его героев и намерение его автора. Так, по крайней мере, произошло с Йейтсом [6, 7], и то же самое происходит в этой работе с Бродским.

Расшифровка данного стихотворения, несмотря на его относительную языковую простоту по сравнению с другими работами Бродского, тоже нелегко досталась исследователю. Тем не

менее после некоторых проб и ошибок стало очевидно, что его первая половина покоится на нескольких модальных выражениях, отражающих отношение героя к своей болезни. Это «он знал, что», «он вообразил, что», «всегда считавший, что» и «не мог представить, что». В этой части работы они будут исследованы по порядку.

***Он знал, что** эта боль в плече
уйдется к вечеру*

Сегмент «он знал, что» был исследован в первых 50 контекстах в НКРЯ из 2500 на тот момент. В десяти из пятидесяти контекстов следует упоминание смерти. В девяти из этих десяти «он» и есть тот, кто умрет, а в контексте 43 Пилат знает, что умрет Иисус:

Он знал, что в это же время конвой ведет к боковым ступеням троих со связанными руками, чтобы выводить их на **дорогу, ведущую на запад, за город, к Лысой горе**. Лишь оказавшись за помостом, в тылу его, Пилат открыл глаза, зная, что он теперь в безопасности – осужденных он видеть уже не мог.

Итак, в 9 контекстах из 50 после «он знал, что» непосредственно следует упоминание о смерти агенса. Знание о наступающей смерти в последующем контексте ни один корпусный менеджер определить не может и увязать с исследуемым текстом тоже не может.

Тем не менее цитируемому булгаковскому тексту в романе предшествует следующий отрывок, который тоже, конечно же, попал в первые 50 контекстов и может считаться примером противоположного положения вещей:

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940).

«Все? – беззвучно шепнул себе Пилат, – все. Имя!»

И, раскатив букву «р» над молчащим городом, он прокричал:

– Вар-равван!

Тут ему показалось, что солнце, зазвев, лопнуло над ним и залило его огнем уши. В этом огне бушевали рев, визги, стоны, хохот и свист. Пилат повернулся и пошел по мосту назад к ступеням, не глядя ни на что, кроме разноцветных шашек настила под ногами, чтобы не оступиться. **Он знал, что** теперь у него за спиной на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо – как **человек, который уже был в руках смерти**, вырвался из этих рук! Как легионеры снимают с него веревки, невольно причиняя ему жгучую боль в вывихнутых на допросе руках, как он, морщась и охая, все же улыбается бессмысленной сумасшедшей улыбкой».

В цитируемом отрывке «он знал, что» предвосхищает жизнь, а не смерть. Но читателю,

знакомому с контекстом (не только Булгакова, но и библейским), ясно, что жизнь этого преступника становится смертным приговором драгоценному собеседнику прокуратора. Кроме того, судьба преступника уже решена самим прокуратором. Поскольку оба отрывка в романе являются частью одного и того же ситуационного контекста (жизнь одного значит смерть другого, а кто важнее, а справедливо ли это?), их, возможно, надо рассматривать, как один и тот же контекст. К тому же здесь присутствует расхождение с авторским контекстом ситуации: у Булгакова речь идет не о жизни и смерти агенса, а другого человека, более или менее ему постороннего.

В основном корпусе НКРЯ на сегодняшний день присутствует более 3000 контекстов, содержащих «он знал, что». Одному исследователю все они могут оказаться не по силам. Поэтому, принимая во внимание приведенные данные, можно, может быть, ввести теоретическое предположение, что большинство этих контекстов покажут, что речь идет скорее о смерти, нежели о жизни агенса – ведь первые 50 контекстов с 9 контекстами смерти агенса уже могут считаться солидным показателем, что остальная часть корпуса не покажет противоположное. Если большинство контекстов оправдают это предположение, это явление (большинство контекстов определенного сочетания в корпусе использовано негативно) сможет считаться скорее семантической просодией [4], чем абсолютным показателем. Лоу [4] полагает, что нарушение семантических просодий происходит по определенным причинам, которые нужно искать в контексте каждого употребления.

Главную роль в таком подходе играет контекст ситуации в исследуемом тексте и в корпусе. В корпусе, если речь идет о возможном смертельном исходе, а не, например, о домашнем хозяйстве, большинство контекстов показывает: он знал, что он умрет. С точки зрения читателя это работает как прием, потому что мы в корпус не смотрели, но на интуитивном уровне знаем, что он умрет. Так утверждает норма нашего родного языка (вычисляемая в корпусе), хотя непосредственный контекст и наши надежды говорят обратное. Получается, что в текстуальном сегменте присутствуют противоположные значения: он не умрет (эксплицитное значение), он умрет (имплицитное).

Кроме того, по Биллу Лоу [8], это проспекция (*prospersion*) – явление, когда в корпусном подтексте первой грамматической строки произведения содержится значение всего текста, то есть его смысл и заключение. Это уже показано на примерах английской поэзии и даже в английских сочинениях сербских студентов [9], а на русском языке – впервые.

Перейдем к следующему модальному выражению.

Он вообразил,

**что *боль способна обмануть,*
что, кажется, не хватит сил
*ее перенести.***

Исследуя сегмент «он вообразил, что», мы уже умозрительно можем предположить на уровне коннотации, что то, что «он вообразил» – неверно. Хотя это не всегда так:

Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955).

«– Уа, уа, – почти без чувства, как по долгу службы, пищали малютки на одной ноте, и только один голос выделялся из этого унисона. Ребенок тоже кричал «уа, уа» и тоже без оттенка страдания, но, как казалось, не по обязанности, а с каким-то впадающим в бас, умышленным, угрюмым недружелюбием. Юрий Андреевич тогда уже решил назвать сына в честь тестя Александром. **Неизвестно почему он вообразил, что так кричит его мальчик,** потому что это был плач с физиономией, уже содержавший будущий характер и судьбу человека, плач со звуковой окраской, заключавшей в себе имя мальчика, имя Александр, как вообразил Юрий Андреевич. **Юрий Андреевич не ошибся. Как потом выяснилось, это действительно плакал Сашенька.** Вот то первое, что он знал о сыне».

С.Т. Семенов. Призывной (1905).

«Оторвут сразу и... может быть навсегда... Нешто можно рассчитывать воротиться... нонче какие снаряды пошли... Он – наводчик, всегда около самого огня, если в его пушку ударит, его первого убьют; а то и свои орудия лопаются... **И он вообразил, что приближается его конец, он обречен на смерть...** Все он должен выдавить из своего сердца и со всем проститься. **Ему ударило в голову, и помутилось в глазах.** Он уже не видал ни хомута, ни оборванного гужа, ни шила с ремнями».

Это единственные два контекста, в которых то, что «он вообразил», действительно осуществится в будущем. Тем не менее это выражение даже здесь имеет значение большинства употреблений в корпусе «без конкретных оснований, без опоры в реальности».

В НКРЯ всего 47 вхождений фразы «он вообразил, что». Корпусные данные показывают, что вообразимое в корне неверно, прямо противоположно реальности, смехотворно, нелепо и несусветная чушь. Характерен первый контекст:

«Искренне влюбившись в царствующих особ, **он вообразил, что призван спасти самодержавие и Россию.** Объясняя свою позицию руководству «прогрессивного блока», министр поднимал глаза вверх и с неестественным восторгом повторял: «Я чувствую, что я спасу Россию, я чувствую, что только я могу ее спасти!» «Он был жалок, – вспоминал Милюков, – но мы его не пожалели».

Более того, в семи из 47 контекстов воображающий субъект действительно является сумасшедшим.

Итак, устанавливается градация: он знал, что он не умрет (в корпусе, наоборот, что он умрет) – ему без реальных оснований пришла в голову идея (в корпусе: смехотворно нелепая), что он умрет. Градация состоит в том, что идеи сначала не существует вообще, а потом она все же допускается, но считается смехотворно нелепой.

и он,

считавший: ежели сполна

что вытерпел – снесет и впродь

Как можно было ожидать, комбинации «считавший, ежели» в корпусе не оказалось; не было там даже словосочетания «считавший, если». Внизу приведены все контексты коллокации «он считал, если» (4):

1. Он считал, если ты руководитель, то должен четко разграничивать, кто у тебя обязан понимать, кто – знать, а кто – уметь (Феликс Чуев. Ильюшин (1998)).

2. Он считал, если ты конструктор, за что-то отвечаешь, должен знать свое дело с азов, а на той фирме, которая делает твои вещи, ты должен быть друг, приятель и брат (Феликс Чуев. Ильюшин (1998)).

3. А просто умным, он считал, если захочет, может стать любой (Павел Мейлахс. Избранник (1996) // «Звезда», 2001).

4. Он считал: если говорить, что все хорошо, то и на самом деле все станет лучше (И.Г. Эренбург. Оттепель (1953–1955)).

Все эти контексты описывают идеализированную версию реальности: нельзя сказать, чтобы в реальном мире дела обстояли совсем не так, но далеко не всегда. Существует аура разумной целесообразности, которая тем не менее далеко не совсем реалистична в нецелесообразном мире. Если вместо «он» стоит «я», ситуация, возможно, меняется (найден всего один такой контекст в НКРЯ, содержащий несколько иную грамматическую строку):

К Кольке вовсе ходить перестал. Во-первых, не знал, не боится ли он с отказником общаться. Многие не хотели... Я так считал: если не боится, сам придет. Но он не приходил... (Александр Кабаков. Масло, запятая, холст (1987)).

не мог представить, что она

его заставит умереть.

Цитируемый отрывок – продолжение предыдущего и вместе с ним образует законченный катрен. В корпусе выделены только контексты, в которых после этой фразы следует будущее время («не мог представить, что» + fut). Они делятся на три категории:

1. Очень негативные (9 контекстов), например:

Я не мог представить, что в 1993 году российские танки в центре российской столицы

начнут палить по российскому парламенту (Евгений Евтушенко. Волчий паспорт (1999)).

Человек не мог представить, что случится такое ужасное событие, которое действительно случилось.

2. Очень позитивные (8 контекстов), например:

Я подолгу рассматривал эти фотографии и, конечно, не мог представить, что через десять – пятнадцать лет многих из артистов увижу в съемочных павильонах студии, в Союзе кинематографистов, а с некоторыми из них подружусь (Юрий Никулин. Мое любимое кино (1979)).

Человек не мог представить, что случится такое прекрасное событие, которое действительно случилось.

3. Контексты с ударением на «что» (5 контекстов, из которых 4 негативные), например:

Настроение у меня было кислое, немного волновался и никак не мог представить, что я буду говорить на бюро (А.И. Батюто. Дневник (1938)).

Контекст Бродского попадает в первую категорию, хотя эксплицитного значения, что это негативное событие действительно произошло, он как раз и не несет. В тексте Бродского значение только *буквальное*, человек не в состоянии представить себе определенный сценарий.

Автор, очевидно, сознательно использует модальные выражения как прием. С точки зрения героя, ситуация почти не движется с места:

- он знал, что не умрет;
- он вообразил, что он умрет;
- он считал, что вынесет боль, как и раньше;
- он не мог себе представить противоположный сценарий.

Авторское намерение дополняется корпусом:

- он знал, что (в большинстве контекстов жизни и смерти человек умирает);
- он вообразил (смехотворную чушь);
- он имел слишком идеализированное представление о реальности;
- то, что он не мог себе представить, произойдет на самом деле, то есть он умрет.

Эти дополнительные значения контекстуально заложены в языковой норме и дополняют пафос ситуации умирающего героя. Мастерство Бродского как раз и заключается в использовании этих комплексных значений, хотя, конечно же, он не мог себе представлять точно все их импликации. Ключевое слово «доверчивость» в начале второй половины текста указывает на дополнительные, корпусные ауры значения. Получается, что это не значения мыслей героя, а значения мыслей автора. Автор, в отличие от героя, знает, что герой умрет, что его отноше-

ние к боли слишком положительно, мнение о реальности идеализировано, а негативный сценарий единственный возможный. С другой стороны, именно корпусные данные дают нам право предположить, что «доверчивость» есть на самом деле самообман главного героя. Последовательное неследование языковой норме в продолжающейся критической ситуации можно толковать как знак, что понимание возможности смертельного исхода не допускается до сознательного, языкового уровня.

2. С кем разговаривает герой стихотворения?

Поскольку мы установили, что модальность играет чрезвычайно важную роль в осуществлении намерения автора, логично было бы предположить, что модальные выражения не будут полностью бесполезны также и во второй половине текста.

***Он августовский вспомнил день,**
как сметывал высокий стог
в одной из ближних деревень,
и попытался, но не смог
названье выговорить вслух:
то был бы просто крик. А на
кого кричать...*

С помощью поисковой строки „он вспомнил *ий *” в НКРЯ обнаружено 25 контекстов со следующими лексемами

вчерашний **разговор**
вчерашний **разговор**
сегодняшний **разговор**
позавчерашний **разговор**
недавний **разговор**
прошлогодний **разговор**
шекспировский **диалог**
августовский день
далекий день (-)
далекий случай
деревенский случай
недавний переполох
вчерашний вечер
вчерашний вечер
вчерашний взгляд
горьковский кремль (-)
вечерний Арканар
армянский нос
девичий вкус
нехороший сон (-)
тихий голос
резкий отзыв
строгий наказ

Три выражения из 25 – там, где стоит знак (-), относятся к контекстам, в которых *не* появляются другие люди. Сама частота появления лексемы

«разговор» в заданном лексико-грамматическом окружении наводит на мысль, что контекст «он вспомнил» отступает от корпусной нормы: вспоминается августовский рабочий день, без других участников ситуационного контекста [5]. Стихотворение начинается описанием лесопилки и заканчивается сеном, без упоминания людей. Художественный мир литературного произведения есть законченный мир, и, если на сцене не висит ружье, стрелять нечему. Герой Бродского – одинокий человек, который всю жизнь провел в работе. Его последнее воспоминание – не имя, а название деревни. Кто же является собеседником главного героя?

1 хвойной лесопилки туч. Но боль **усиливалась. Грудь кололо.** Он вообразил,

2 кололо. Он **вообразил**, что боль **способна обмануть**, что, **кажется**, не хватит

3 влен, он голову приподнял; боль **всегда учила жить**, и он, считавший: ежели

4 его **заставит умереть**. Но боли **не хватило дня**. В доверчивости, чьи плоды

5 час, хотя он умер. Только боль, **себе пристанища не находя, металась** по пустой

Посмотрим, какие лексемы появятся на месте слова «боль» в референциальном корпусе. Поисковая строка „* усиливалась” дала следующие результаты:

болезнь (7)
качка (5)
буря (4)
тревога (4)
боль (3)
гроза (3)
тоска (3)
жара (2)
стрельба (2)
темнота (2)

Итак, это неприятные ощущения, погодные условия или обстоятельства. Что касается первой строки конкорданса, текст Бродского находится в соответствии с корпусной нормой. Во второй строке ситуация начинает меняться. Поисковая строка „* способна *уть” – в первом пробеле местоимения исключены, оставлены существительные в именительном падеже – выдала следующие лексические переменные:

теория способна сдвинуть
сцена способна вернуть
соломинка способна качнуть
слава способна вернуть
свобода способна вдохнуть
правка способна свернуть
Россия способна вернуть
масса способна примкнуть
Катя способна продряхнуть
женщина способна упрекнуть

Очевидно, наблюдается постепенное очеловечивание боли от абстрактных и неодушевленных понятий, через существительные, обозначающие группы людей, до «женщины». Неодушевленные понятия преобладают над одушевленными, условно говоря, существительными в отношении шести к четырем.

В третьей поисковой строке, „* всегда учила *ть”, «всегда» пришлось убрать, поскольку в НКРЯ не нашлось соответствующих контекстов. В новой строке, „* учила *ть”, в корпусе обнаружены следующие лексемы:

проповедь учила брать
война учила быть
вера учила измерять
партия учила давать
мать учила произносить
мама учила спать
маменька учила говорить
бабушка учила успокаивать
казачка учила пахать
массажистка учила делать
Наумовна учила красить
Каролина учила болтать

Здесь абстрактные понятия уже в меньшинстве (3:9). Если же запрос изменим и оставим только „*ить” вместо „*ть”, останутся три контекста с лексемами: *Наумовна, мать* и *маменька*.

При исследовании результатов поисковой строки „* не хватило” в пробеле принималось во внимание существительное в дательном падеже (S dat).

Вот первые 20 примеров в основном корпусе НКРЯ:

1 и вверх блестящие пузырьки. **Скворцову** не хватило дыхания, он вынырнул. Огляделся – Ли

2 в подобных случаях, казалось, что **им** не хватило времени для полного, совершенного ов

3 К сожалению, **мне** не хватило времени, чтобы оформить документы,

4 Пусть некогда **Лореасе** не хватило сил, вдохновения и отрешенности, что

5 Разница в том, что генералу **Бобырю** не хватило элементарного человеческого мужества

6 е умные покупатели». Заккрытие: **Dapone** не хватило молока Dapone останавливает работу к

7 А отчасти потому, что **мне** не хватило жизненного срока.

8 науки считают, что **фашистскому режиму** не хватило буквально месяцев для создания полно

9 [пахарь, nick] 2). **клубу** не хватило меда, и он пошел в тепленькую сторон

10 идел, глядя в окно. Естественно, **ему** не хватило времени. – Я должна тебе сказать одн

11 **Кому** не хватило места, везут в НИИ скорой помощи име

12 [Анна С., nick] **Мне** не хватило этой сложной и противоречивой фигуры

13 [AELEK, муж] **Мне** не хватило «его» в двух моментах.

14 Я получила пенсию, **мне** не хватило ее даже за квартиру заплатить.

15 [АНС, nick] **Всем** не хватило внимания посмотреть, что написано в

16 Потом **Тасе** не хватило карт для продолжения истории, и она

17 **Археологу** не хватило бы и жизни на раскопку и инвентариз

18 ерской выносливости, которой **Балтеру** не хватило.

19 **Расширенному Президиуму** не хватило «аппаратного разума» Горбачева и его

20 от в чемпионате мира «до 18» **Теймуру** не хватило сил на финише, и он на очко отстал о

В запросе появляются уже только люди, даже если они президиум, компания или режим. В одном контексте речь идет о пчелах.

Теперь рассмотрим выражение Бродского «себе пристанища не находя». В запросе «не находя себе *» (порядок слов пришлось изменить с поэтического на более распространенный) в основном появляется словоформа «места», но есть и другие. Агенс одушевленный в подавляющем большинстве случаев, но есть и другие – чувства, энергия и прочее. Именно лексема «пристанище» вместо «места» упоминается «в Синклеровом окне» (на расстоянии до четырех слов слева и справа от искомого выражения) в четырех случаях, и во всех это человеческое существо (что, конечно, не исключает возможность, что завтра в корпусе не появится пример, где эта словоформа будет коллоцировать с абстрактным существительным).

Это тоже прием, и тоже по Синклеру, потому что самое частое значение фразы «не находить себе места» не буквальное, а связано именно с глаголами *бродить, маяться, метаться* и прочее в значении «бесцельно передвигаться из-за внутреннего беспокойства». В нашем конкордансе глагол «метаться», как у Бродского, употребляется в 11 контекстах из 110. Значение же в стихотворении буквализовано (релексикализовано, по Лоу), потому что боли некуда деваться, а на тот свет ей нельзя. Импликацию человеческого существа создает идиоматическая корпусная норма, а буквальное значение выходит на первый план из-за непосредственного ситуационного контекста.

Только **боль, себе**
пристанища не находя,

металась по пустой избе.

По запросу «* металась по» получены следующие результаты:

она металась по (22)

я металась по (5)

мать металась по (3)

Васса металась по (2; *разные произведения*)
бабочка металась по (2; *разные произведения*)

В самой частой комбинации в корпусе «она металась по» под местоимением «она» подразумеваются следующие «действующие лица и исполнители»: в 22 контекстах – две собаки, одна корова, одна медведица, одна машина, в остальных 17 контекстах – женщины разного возраста в состоянии очень сильной душевной боли.

Поэтический прием персонификации осуществляется у Бродского постепенно, на протяжении всего текста. Очеловечивание боли происходит не сразу: первое ее упоминание соответствует языковой норме. Позднее, хотя сочетаемость не нарушается до размеров аномалии, заметной невооруженным глазом, корпус показывает, что доминирование недушевленных, абстрактных явлений постепенно заменяется преобладанием в запрашиваемом пробеле человеческих существ. Поскольку речь идет о русском языке, грамматический род у этого человеческого существа женский. Не входя в рассуждения о том, каким было намерение автора и сознательно ли он «наделил» боль человеческими или даже женскими качествами, корпусная норма должна по аналогии с предыдущими примерами как-то отразиться на понимании читателя. Степень такого отражения я не считаю возможным изучить. Тем не менее из текста следует, что не смерть как таковая, а, скорее, смерть в одиночестве, в отсутствие людей, и является главной, хотя и скрытой проблемой нашего героя.

Вышеописанный механизм позволяет, хоть и на основании только одного примера, предложить корпусное определение риторической фигуры персонификации. Со времени появления идеи Лоу дать корпусные определения известных риторических фигур [10], уже даны корпусные определения игры слов и метафоры [7], хотя всего лишь на основании нескольких примеров. Тем не менее важно напомнить, что детальные эмпирические исследования могут показать значительно больший набор возможных языковых оборотов, чем известные нам традиционные стилистические фигуры. К исследованию и классификации этих фигур хотелось бы подходить эмпирически на основании корпусных данных (снизу вверх), а не начиная с уже известных оборотов (сверху вниз)¹.

Согласно Бродскому, персонификация – это лексико-грамматическая коллокация, в которой одна из лексем замещается в референциальном корпусе лексемами, в основном указывающими на человеческое существо. Это лексико-грамматическая коллокация с человеческим подтекстом. Несомненно, потребуется отдельное исследование, чтобы эту фигуру полностью описать.

Данные этой работы также могут позволить, хотя и с гораздо меньшей претензией на универсальность, дать изначальную корпусную зарисов-

ку риторической фигуры градации. Во второй части работы, «боль», неприятное ощущение, в корпусе постепенно перерастает в существо женского пола. Итак, на основании текста Бродского мы можем определить градацию как все большее отклонение корпусного подтекста от текста произведения в сторону, соответствующую намерению автора. Или как нарастание противоречия между текстом и корпусной нормой.

Заключение

Контекстуально-просодическая теория доказала, что семантические ауры продуманного авторского текста – как лексические, так и грамматические – взаимосвязаны на подсознательном уровне, который можно выявить посредством корпусного анализа. Выясняется, что отступления лексико-грамматических коллокаций от контекстуальной нормы в корпусе не только носят дополнительные значения, но и что эти значения частично совпадают друг с другом, дополняют друг друга и перекликаются в тексте. Иначе и быть не может, ведь намерение автора присутствует в целом тексте, с начала и до конца, и поэтому должно выявляться на уровне языка. Новизна в том, что теперь на чисто языковом уровне с помощью референциальных корпусов можно выявить дополнительное содержание. Так, персонаж исследуемого стихотворения подозревает, что может умереть, хотя на сознательном уровне пытается подавить это ощущение. Это показывает, что возможности контекстуально-просодической теории очень велики во всех областях, где важно эмпирически установить глубинные уровни значения, от судебно-экспертизы до психологии.

Работа также показала, что в области поэтики с помощью коллокаций можно прояснить роль риторических фигур и вообще языковых оборотов. В первом исследуемом случае семантические ауры довольно стандартных модальных выражений в корпусе позволяют нам обнаружить их дополнительные значения в данном ситуационном контексте (в контексте жизни и смерти), прямо противоположные контексту Бродского – скорее, героя Бродского.

В случае лексемы «боль», важными становятся лексические переменные, оказывающиеся в корпусе на ее месте в коллокациях Бродского. Это позволяет эмпирически проследить постепенное перевоплощение отрицательного ощущения персонажа в видение человеческого существа женского пола. Наше понимание внешнего мира, возможно, подскажет нам, что в условиях более идеальных около умирающего человека должна метаться женщина, а не боль. Как бы там ни было, корпус позволяет раскрыть противоречие норме, подтекст и перспекцию, а

также знакомые нам персонификацию и градацию – языковые механизмы создания у читателя определенных впечатлений, не поддающихся интуитивному, внекорпусному, анализу.

Примечание

1. Терминология неофертианской школы корпусной лингвистики: bottom-up и top-down.

Список литературы

1. Louw W.E. Contextual Prosodic Theory: Bringing Semantic Prosodies to Life [Электронный ресурс] // Words in Context. In Honour of John Sinclair / Eds. C. Heffer and H. Sauntson. Birmingham: ELR, 2000. Режим доступа: http://www.revue-texto.net/docannexe/file/124/louw_prosodie.pdf

2. Louw W.E. Collocation as Instrumentation for Meaning: A Scientific Fact // Literary Education and Digital Learning: Methods and Technologies for Humanities Studies / Eds. W. van Peer, V. Viana, & S. Zyngier. Hershey, PA: IGI Global, 2010. P. 79–101.

3. Sinclair J.M. Reading Concordances. Harlow: Pearson Education Limited, 2003. 180 p.

4. Louw W.E. Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / Eds. M. Baker, G. Francis & E. Tognini-Bonelli. Amsterdam, 1993. P. 152–176.

5. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934–1951. Oxford: OUP, 1957. 233 p.

6. Louw W.E. & Milojkovic M. Semantic Prosody // The Cambridge Handbook of Stylistics / Eds. P. Stockwell & S. Whiteley, Cambridge, 2014. P. 260–283.

7. Milojkovic M. Grammatical «Hidden» Meaning as Part of Pun and Metaphor in English // Studying Humour – International Journal. 2017. Vol. 4.

8. Louw B. & Milojkovic M. Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 419 p.

9. Milojkovic M. & Louw W.E. Towards a Corpus-Attested Definition of Creativity as Accessed Through a Subtextual Analysis of Student Writing // Essential Competencies for English-medium University Teaching / Eds. R. Breeze & C. Sancho Guinda. Springer, 2017. P. 125–141.

10. Louw W.E. Consolidating Empirical Method in Data-assisted Stylistics: Towards a Corpus-attested Glossary of Literary Terms // Directions in Empirical Literary Studies. In Honour of Willie van Peer / Eds. S. Zyngier, M. Bortolussi, A. Chesnokova and J. Aurracher. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 243–264.

IOSIF BRODSKY: MODALITY AS A LITERARY DEVICE

М. Милойкович

This paper shows the potential of Contextual Prosodic Theory, developed by Bill Louw, to contribute to better interpretation and appreciation of poetic texts. The analysis focuses on the poem by Iosif Brodsky «Он знал, что эта боль в плече...» («He knew that this pain in the shoulder...»). The consistency of the author's usage deviating from the corpus norm in the case of several modal expressions shows that the persona suffers from self-deception, while deep down he in fact does anticipate death, which comes at the end of the poem. We also analyze the corpus-derived subtext to explain the mechanism of personification.

Keywords: semantic prosody, corpus-derived subtext, context of situation, Contextual Prosodic Theory, Bill Louw.

References

1. Louw W.E. Contextual Prosodic Theory: Bringing Semantic Prosodies to Life [Elektronnyj resurs] // Words in Context. In Honour of John Sinclair / Eds. C. Heffer and H. Sauntson. Birmingham: ELR, 2000. Rezhim dostupa: http://www.revue-texto.net/docannexe/file/124/louw_prosodie.pdf

2. Louw W.E. Collocation as Instrumentation for Meaning: A Scientific Fact // Literary Education and Digital Learning: Methods and Technologies for Humanities Studies / Eds. W. van Peer, V. Viana, & S. Zyngier. Hershey, PA: IGI Global, 2010. P. 79–101.

3. Sinclair J.M. Reading Concordances. Harlow: Pearson Education Limited, 2003. 180 p.

4. Louw W.E. Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / Eds. M. Baker, G. Francis & E. Tognini-Bonelli. Amsterdam, 1993. P. 152–176.

5. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934–1951. Oxford: OUP, 1957. 233 p.

6. Louw W.E. & Milojkovic M. Semantic Prosody // The Cambridge Handbook of Stylistics / Eds. P. Stockwell & S. Whiteley, Cambridge, 2014. P. 260–283.

7. Milojkovic M. Grammatical «Hidden» Meaning as Part of Pun and Metaphor in English // Studying Humour – International Journal. 2017. Vol. 4.

8. Louw B. & Milojkovic M. Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 419 p.

9. Milojkovic M. & Louw W.E. Towards a Corpus-Attested Definition of Creativity as Accessed Through a Subtextual Analysis of Student Writing // Essential Competencies for English-medium University Teaching / Eds. R. Breeze & C. Sancho Guinda. Springer, 2017. P. 125–141.

10. Louw W.E. Consolidating Empirical Method in Data-assisted Stylistics: Towards a Corpus-attested Glossary of Literary Terms // Directions in Empirical Literary Studies. In Honour of Willie van Peer / Eds. S. Zyngier, M. Bortolussi, A. Chesnokova and J. Aurracher. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 243–264.